

— За мной повторяй: Шан да жэнь, цю и цзи, хуа сань цянь, ци ши сянь.

— Шан да жэнь, цю и цзи... хуа... хуа...

— Ну и бестолочь! Говорю же: хуа сань цянь, ци ши сянь.

Старший мальчик отвесил ребенку подзатыльник.

— Ой! Брат, потише! Если матушка узнает, что я опять сбиваюсь, снова накажет.

— Так тебе и надо!

Ребенок покорно повторил:

— Шан да жэнь, цю и цзи. Хуа сань цянь, ци ши сянь.

Цзи Циньюэ сидел на прибрежном камне, поджав ноги и подперев щеку рукой. Он слушал доносившиеся снаружи голоса, глядя в воду остекленевшим, невидящим взглядом. Его чувства окончательно притупились.

Да, он был в полном оцепенении.

Он не знал, как это произошло: стоило открыть глаза, как он оказался в этом безлюдном месте. И пусть вокруг были живописные горы, прозрачные ручьи и окутанные дымкой облака, любоваться этим великолепием у него не было сил.

Потому что...

— У-у-ур... — в животе у Цзи Циньюэ громко заурчало. Он возвел глаза к небу и тяжело вздохнул: — Есть хочется!

Два дня назад Цзи Циньюэ очнулся, резко сел и, осмотревшись, понял, что лежит в убогой хижине.

Никогда прежде он не видел столь странного и ветхого жилища.

Это было место, где он никогда не бывал.

Каркас хижины держался на нескольких деревянных столбах толщиной с руку. Крыша и три стены были сплетены из стеблей какого-то неизвестного растения, а пол был устлан досками,

между которыми зияли такие щели, что в них легко могла провалиться нога.

О том, чтобы укрыться здесь от ветра или дождя, не могло быть и речи. Глядя на то, как хижина держится лишь на связках травяных веревок, Цзи Цинъюэ боялся лишний раз пошевелиться, опасаясь, что постройка рухнет от первого же порыва ветра.

Одна сторона хижины была открыта, выходя прямо к ручью, за которым вдалеке виднелись горы и облака.

Похоже, эту лачугу соорудили лишь для того, чтобы любоваться видами.

Но сейчас Цзи Цинъюэ было не до пейзажей. Его куда больше беспокоил вопрос: доживет ли он до завтрашнего рассвета?

— Эрлан! Сылан! Идите обедать! — вдруг раздался женский голос откуда-то издалека, а следом за ним — два мужских:

— Идем, матушка!

Цзи Цинъюэ поднял голову и уставился на дальние горы за ручьем. Он был уверен, что не ослышался: звуки доносились именно оттуда.

Но... это же антинаучно!

На том берегу ручья простиралось бескрайнее поле с низкой травой, а за ним тянулась гряда гор, поросших густым сосновым лесом.

Кроме этой хижины, вокруг не было ни единого строения. Откуда же взялись голоса?

Неужели это наваждение?

Цзи Цинъюэ заподозрил, что попал в невероятно странное место.

Он посмотрел вниз, на ручей. Вода была прозрачной до самого дна, в ней виднелись камни, поросшие нежной зеленой травой. Ручей огибал берега, разбиваясь о камни и поднимая мириады брызг. Через воду был перекинут деревянный мостик, ведущий к травяному полю.

Отведя взгляд, Цзи Цинъюэ обернулся. Позади хижины возвышались горы, до которых отсюда было довольно далеко через сосновый бор. Деревья стояли крепкие, с прямыми стволами и раскидистыми ветвями, но в листве уже чувствовалась ранняя осень, а под ногами лежал плотный слой пожелтевших игл.

В горах виднелись скалистые утесы и глубокие ущелья. Между горными хребтами стекал водопад, создавая густую водяную взвесь, в которой днем при свете солнца легко можно было разглядеть радугу.

Ручей, протекавший мимо хижины, как раз брал начало где-то там.

Цзи Цинъюэ предположил, что это место — некий отдельный мир, подобный пространству внутри магического сосуда.

Два дня он наблюдал за сменой дня и ночи. Кроме шума ветра, шелеста деревьев и журчания воды, он слышал только звуки «снаружи»: крики петухов, лай собак, детский смех и окрики взрослых.

Эта повседневная суэта приносила ему странное успокоение, но в то же время внушала ужас.

Причина была проста: звуки есть, а людей нет.

Иногда голоса звучали так близко, будто стоило протянуть руку, чтобы коснуться говорящего, но никого вокруг не было.

Так он и просидел три дня на камне у воды.

Постепенно оцепенение прошло. Цзи Цинъюэ решил оставить попытки понять, где он и как сюда попал. Сейчас самым важным было выжить.

Он снова взял свой рюкзак, с которым и оказался здесь. Это был обычный нейлоновый рюкзак для работы, в котором лежали телефон, ноутбук, кошелек и пустая термокружка.

Глядя на эти вещи, Цзи Цинъюэ снова впал в уныние. Он — выпускник вуза, что он мог взять с собой из еды?

Он перерыл рюкзак. Единственным съедобным предметом оказались пара мятных леденцов, которые он когда-то взял на стойке регистрации в ресторане и забыл в кармане. За эти дни он уже съел несколько штук, осталось всего две.

Этот мир — живописный, но пугающий.

Хижина была пуста, в ней не было ни крошки еды. В ручье не было видно ни одной рыбешки, на земле не росло ягод, на деревьях — плодов. Траву вокруг он не узнавал, в лесу за хижинкой не пели птицы — там стояла мертвая тишина, от которой становилось не по себе.

— У-у-ур... — снова подал голос живот. Если он не найдет еды, эти звуки станут его последней песней.

Цзи Цинъюэ снова попытался перейти на тот берег.

Мостик был крайне хлипким: три доски, положенные на четыре столба, вбитых в дно. Ничего не было закреплено, и каждый раз, ступая на него, он боялся, что конструкция развалится.

Цзи Цинъюэ осторожно встал на мостик, стараясь не переносить на него весь вес.

К счастью, мост выдержал, хоть и покачивался.

Но не успел он пройти и половины пути, как вытянул руку и, словно слепой, ощупал пространство перед собой. Вскоре он остановился и тяжело вздохнул: как и в прошлый раз, на середине моста стояла невидимая преграда.

Он был заперт на этой стороне ручья.

Вернувшись на берег, Цзи Цинъюэ задумался, что делать дальше.

Прошло немало времени, прежде чем раздался скрип двери. Затем послышались легкие шаги, и раздался детский голосок:

— Шан да жэнь, цю и цзи, хуа сань цянь, ци ши сянь.

Мальчик снова учил уроки.

Цзи Цинъюэ подпер щеку, слушая чтение, и невольно вспомнил свои школьные годы. После уроков он спешил домой к началу показа мультфильмов. Родители были на работе, и он, пока их не было, расстилал тетради, тихонько включал телевизор и, прислушиваясь к звукам в коридоре, босиком смотрел передачи.

Неизвестно, откуда у него бралась такая способность — делать два дела сразу. Его ни разу не поймали: он всегда успевал выключить телевизор и сесть за уроки в ту самую секунду, когда в замке поворачивался ключ.

Он и не подозревал, что все его уловки были давно раскрыты. Лишь повзрослев, он узнал, что родственники часто вспоминали об этом как о забавной истории, а он-то был уверен, что мастерски всех обманывал.

Цзи Цинъюэ закрыл лицо руками. Ему стало смешно, но следом нахлынула такая тоска, что

уголки губ опустились, и он беззвучно разрыдался.

Он не вернется. Он заперт в этом проклятом месте навсегда.

— Кто? Кто это плачет? — чтение внезапно прекратилось. Голос ребенка приближался, казалось, он стоит прямо перед Цзи Цинъюэ. — Эй? Звук идет из картины?

Цзи Цинъюэ от страха покрылся мурашками и вытаращил глаза, боясь издать хоть звук.

— Наверное, слышалось, — пробормотал мальчик. Через некоторое время он снова начал читать.

Цзи Цинъюэ почувствовал, как спина взмокла от холодного пота.

Картина? Какая картина? Неужели он внутри картины?

— Сылан, выучил? — спросил тот самый старший мальчик.

— Брат, выучил! — радостно отозвался младший.

— Хорошо, рассказывай.

— Брат, подожди, я только что слышал, как кто-то в картине плачет.

Старший рассмеялся:

— Кто-то плачет? Не ищешь ли ты оправдание, чтобы не получить по рукам от отца с матерью за невыученный урок?

Мальчик обиженно надул губы:

— Нет, брат, я правда слышал...

— Ладно, давай быстрее, а то придет отец, а ты еще не готов... — не успел старший договорить, как младший принялся громко декламировать: — Шан да жэнь, цю и цзи...

Мальчик успешно справился с заданием.

В этот момент слышались шаги взрослого мужчины:

— Эрлан помогает Сылану учиться?

— Отец! — радостно воскликнули оба ребенка.

— Как успехи у Сылана?

Мальчик гордо выпятил грудь:

— Я выучил отлично, правда, брат?

Старший со вздохом подтвердил:

— Да...

Видя, что сыновья ведут себя прилежно, отец с улыбкой произнес:

— Сылан, когда пойдешь в школу, учись усердно, не ленись. Мы с матерью не требуем от тебя великих чинов, главное — будь грамотным, понимай суть вещей и вырасти честным и добрым человеком.

— Хорошо! Я буду таким же, как отец и старшие братья!

— Ха-ха-ха, вот и молодец! Темнеет уже, идите умывайтесь и ложитесь спать.

Вскоре звуки стихли, и вокруг снова воцарилась тишина.

Цзи Цинъюэ поднял голову: солнце скрылось за горами, оставив лишь слабые отблески заката, которые быстро гасли.

Похоже, время здесь течет так же, как в его мире.

Он проверил телефон — было чуть больше шести вечера. Цзи Цинъюэ удивленно приподнял бровь: неужели здесь люди ложатся спать так рано?

Хотя он точно не знал, как живут люди снаружи, наблюдения за эти дни позволили ему сделать вывод, что этот мир сильно отличается от его собственного.

Имена, манера речи, еда, распорядок дня — все указывало на то, что он попал в эпоху, далекую от его времени.

Значит, пространственно он находится внутри картины, а по времени — в какой-то феодальной эпохе прошлого.

Семья снаружи — обычные крестьяне, двое мальчиков — их сыновья. Место, где они учатся — кабинет, а судя по словам Сылана, он сам сейчас заперт в картине, висящей в этом самом кабинете!

Цзи Цинъюэ вздохнул. Как ни крути, вернуться в свой мир он, похоже, не сможет.

Наступила глубокая ночь. Снаружи все стихло, стало так тихо, что он слышал только собственное дыхание.

Цзи Цинъюэ ломал голову, пытаясь придумать выход, но в отчаянии понимал: неужели он так и сгинет здесь?

Может, завтра сходить в горы? Вдруг там найдется хоть какая-то еда?

Хотя он понимал, что шансы ничтожны. Даже если он найдет грибы, посмеет ли их съесть? Встретит фазана — сможет ли поймать? А если дикий кабан...

Цзи Цинъюэ сложил руки в молитве: только бы здесь не было хищников.

Как выяснилось, он зря волновался. Ему стоило сразу признать, что он — типичный городской житель, привыкший к комфорту, и переоценивать себя не стоило.

На четвертый день пребывания в мире картины он обошел подножие гор и не увидел ни одной птицы.

Он окончательно убедился: кроме него, здесь нет ни одного живого существа, даже насекомых!

Растительности было много, но ни одного гриба, а даже если бы они были, он бы не рискнул их сорвать.

Цзи Цинъюэ впал в полное отчаяние.

Шатаясь, он вернулся в хижину, упал на пол и уставился в потолок. Свет, проникающий сквозь щели, падал на его лицо, и слезы застилали глаза.

Ему хотелось кричать, проклиная того, кто запер его в этом гиблом месте, не оставив ни единого шанса.

Но разум твердил: нельзя тратить силы. Нельзя сдаваться, пока есть хоть какая-то надежда.

Помолчав, он встал, подошел к ручью, умылся, сделал большой глоток воды и немного успокоился.

Хорошо, что воды здесь вдоволь, иначе он не продержался бы и трех дней.

Цзи Цинъюэ уставился на середину моста. Возможно, невидимая преграда нужна только для того, чтобы удерживать его здесь? Значит, остается только ждать.

Когда солнце поднялось высоко, он вернулся в хижину, чтобы укрыться в тени. Дождавшись нужного времени, он снова сел на камень у воды и начал считать: раз, два, три...

Снаружи скрипнула дверь, послышались легкие шаги, и мальчик начал свое привычное чтение:

— Ци ши сянь, эр сяо шэн, ба цзю цзы, цзя цзо мэй, кэ чжи ли е.

Похоже, вчера ребенок успешно прошел проверку. Три дня он читал одно и то же, а сегодня наконец-то что-то новое.

Цзи Цинъюэ дождался, пока мальчик закончит, глубоко вздохнул, зажал нос и, понизив голос, нарочито грубо произнес:

— Малыш, а ты понимаешь, о чем здесь говорится?

Мальчик не испугался, а тонко ответил:

— Не знаю. Брат сказал, что объяснит, когда я выучу наизусть.

Ребенок был таким доверчивым, что Цзи Цинъюэ стало стыдно: до чего же он докатился, раз обманывает ребенка.

Он кашлянул и пробасил:

— А ты знаешь, кто я такой?

— А кто вы? — спросил мальчик.

— Это небесная тайна. Если раскрою ее — будет худо и тебе, и мне.

Цзи Циньюэ подогрел любопытство ребенка, и тот тут же спросил:

— Вы, наверное, небожитель? Небожитель, который живет в картине?

Голос ребенка доносился прямо спереди, казалось, он стоит всего в нескольких шагах, прямо на мостике.

Цзи Циньюэ предположил, что мальчик стоит перед картиной, и притворно удивился:

— О? Неужели я теперь живу в картине?

— Да, вы живете в картине у нас в доме.

— Хм... Я спал, и вот прошло уже тысячелетие! Ну что ж, раз мы встретились, значит, такова судьба. Давай я расскажу тебе, что значит Шан да жэнь.

Мальчик радостно поблагодарил:

— Благодарю вас, небожитель!

<http://bllate.org/book/20806/2091665>